

24 часа

Алекс Д и Лана Мейер

Новогодние (не)сказки

Алекс Д

24 часа

«Лана Мейер»

«Алекс Д.»

2021

Д А.

24 часа / А. Д — «Лана Мейер», «Алекс Д.»,
2021 — (Новогодние (не)сказки)

«Новый год. Новая жизнь.» Сколько еще людей прямо сейчас произносят эту же мантру в надежде, что волшебство сработает? Огромное количество желаний загадывается в рождественскую ночь, но только единицы по-настоящему верят, что они исполнятся. Говорят, стоит быть осторожным со своими желаниями. Иначе они могут свалиться на тебя, как снег на голову и нагло заявиться на порог твоего дома в виде надоедливой пигалицы. Ты думаешь, что она — самая невыносимая девушка на свете, ещё не зная, что в твою жизнь ворвалась особенная Снежинка — одна из трехсот пятидесяти миллионов других. Уникальная. Единственная. Та самая. А потом растаяла. Ровно до следующего Рождества. И все что у нас есть — это двадцать четыре часа безумия, от которых мы до сих пор не нашли лекарство. Но как быть, когда эти двадцать четыре часа стоят целого года?

© Д А., 2021

© Лана Мейер, 2021

© Алекс Д., 2021

Содержание

Пролог	5
Часть 1	8
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Алекс Д и Лана Мейер

24 часа

Пролог

Канун Рождества

Лэндон

Подняв воротник пальто, я торопливо спускаюсь по ступеням и направляюсь к центральным воротам клиники. Под подошвами хрустит пушистый снег вперемешку с цветными брызгами от разорвавшихся хлопушек. Кудрявые полосы серпантина свисают с перил, цепляются за зеркала и дворники припаркованных на территории больницы автомобилей.

Декабрьский по-праздничному трескучий мороз мгновенно перехватывает горло. В лицо ударяет порыв холодного ветра, покалывая щеки ледяными иглами. Рассвет наступит не раньше, чем через час, зимнее солнце не спешит просыпаться, но город давно не спит. Канун Рождества – особенное время, когда предчувствие волшебства буквально витает между домами, залетает в окна, звенит бубенцами и цокочет копытами пластмассовых оленей в красных шарфах.

Задержавшись на тротуаре, я вдыхаю полной грудью очищенный морозом воздух. Прищурившись от обилия мерцающих огней и гирлянд, смотрю на охваченных праздничной суетой улыбающихся прохожих. Они спешат к своим семьям по сверкающим иллюминацией улицам мимо наряженных елок, пританцовывающих Санта-Клаусов, сверкающих витрин и парочки нетрезвых эльфов, раздающих прохожим леденцы в красивых обертках. Паутины яркого света тянутся от здания к зданию, попутно обнимая замершие голые ветви деревьев, оживляя каждое подмигивающими огоньками и словно предлагая присоединиться к сказочному представлению.

Повинуясь внезапному импульсу, оглядываюсь на фасад клиники. Под вывеской с названием переливается гирлянда всеми оттенками голубого, состоящая из сотни покачивающихся на ветру искусственных снежинок, так похожих на настоящие, что отражая свет праздничных огней, щедро валятся с неба на мои волосы и плечи, забираются за воротник, превращаясь в крошечные капельки воды от соприкосновения с горячей кожей.

– Бейкер, подожди минуту, – услышав свое имя, фокусирую взгляд на приближающейся фигуре Джона Ресслера. Он быстро направляется ко мне, на ходу накидывая пуховик прямо поверх белого халата. Я инстинктивно иду навстречу к коллеге.

– Мы вроде попрощались, когда кофе пили, – напоминаю, когда между нами остается несколько шагов. – Что это? – нахмурившись, с недоумением смотрю на протянутую Джоном прямоугольную плоскую коробку, размером с ладонь и завернутую в глянцевую яркую бумагу с красно-белыми рисунками.

Держи, говорю, – раздраженно бросает Джон, пытаюсь отдышаться после бодрой пробежки и не спеша прояснить свой странный жест. Мы, конечно, очень давно друзья, но подарки у нас дарить не принято. Угостить друг друга выпивкой в баре после дежурства – вот это другое дело.

– И с Рождеством я тебя, вроде, уже поздравил, – озадаченно смотрю на запыхавшегося приятеля, автоматически бросая неожиданный презент в карман пальто.

– Не-а, – отрицательно мотнув головой, лыбится Ресслер. – Не поздравил. Но подарок не от меня.

– Нет? – еще больше теряюсь я, припоминая, кто из медсестер и прочего младшего персонала не отметил меня своим вниманием и дарами в последнее перед отпуском дежурство.

– Разочарован? – хохочет Джон, явно пребывая в лучшем настроении, чем я, хотя это он должен был с сегодняшнего дня отправиться в запланированный отпуск. – Не парься, дружище. Пациентка твоя передала. Тёрлась у твоего кабинета. Очень расстроилась, что не успела поздравить лично.

– У меня, точнее теперь у тебя, их больше двадцати. Какая именно? – уточняю я, не веря, что Ресслер из-за такой ерунды бросился меня догонять.

– Имя вылетело, – Джон задумчиво морщит лоб. – Худенькая, маленькая, волосы под мальчика, глаза большие, грустные.

– Я не оперирую детей, Джон, – напоминаю с иронией. – И ты тоже. А большие и грустные глаза будут у меня, когда я попаду в снегопад и застряну на трассе, если не выеду прямо сейчас. Ты с каких пор такой сентиментальный стал?

– Не знаю, жалко стало. Рождество все-таки, а тут такая беда у малышки. Любимый доктор свалил, не попрощавшись. Она, как узнала про твой отпуск, чуть не расплакалась. Влюбилась, наверное.

– Ресслер, в нас каждая вторая пациентка женского пола влюбляется, вне зависимости от возраста, и вся любовь благополучно заканчивается сразу после выписки, – произношу, потирая озябшие ладони и мысленно прикидывая, успею ли я добраться до загородного дома до начала снегопада. Джон ухмыляется, понимая, что возразить ему нечего.

– В общем, я передал. Совесть моя чиста. Скоро утренний обход, скажу крохе, что ты очень обрадовался подарку, – подмигнув мне, Джон разворачивается, чтобы вернуться к своим прямым обязанностям. Внутри что-то неприятно натягивается. Пациентка, попадающая под описание Ресслера, у меня только одна.

– Подожди, – задерживаю Ресслера, взяв за локоть. – Диагноз помнишь? Ты всю ночь у меня истории болезни принимал.

– Диагноз помню, – повернувшись, кивает Джон. – Ротационный перелом позвоночника со смещением, – выдает тоном отличника. – Через пару дней буду ее готовить к выписке.

– Фигуристка, – вспоминаю я, непроизвольно бросая взгляд на искусственный каток, находящийся прямо за забором клиники. Его установили недавно, буквально пару дней назад, и по вечерам на нем не протолкнуться от посетителей на коньках.

«Доктор, вы можете попросить палатную медсестру, чтобы она не поднимала жалюзи?»

И эту просьбу во время утреннего обхода я тоже вспомнил, но причину понял только сейчас. Из окон ее палаты каток виден, как на ладони.

– Фигуристой ей точно не быть, – качнув головой, прогнозирует Ресслер. – Но ходить и вести полноценную жизнь сможет.

– Ладно, надо ехать, – протянув руку, пожимаю ладонь друга и выжимаю из себя заезженное: – Счастливого Рождества, Джон.

Через десять минут, задав навигатору координаты пункта назначения, я выворачиваю на шоссе. Автоматический женский голос сообщает, что дорога займет пятьдесят семь минут, предупреждая о заторе на центральной городской авеню. Решив не тратить время на пробку, меняю маршрут и погромче врубаю радио. Салон автомобиля наполняет меланхоличный голос Джорджа Майкла с неизменным рождественским хитом всех времен и народов:

*«Last Christmas
I gave you my heart,*

But the very next day you gave it away...»

Решив найти что-то пободрее, я переключаюсь на другую частоту и вновь попадаю на эту же композицию. Раздраженно выругавшись, иду дальше.

«На Рождественскую ночь метеорологи обещают жителям Чикаго сильную метель с ураганными порывами ветра, самый эпицентр которой придется на пригород, предостерегает всех, кто планирует поездку на автомобиле, быть осторожнее на дороге, но, а мы продолжаем согреваться малоизвестными фактами на зимнюю тему», – жизнерадостным голосом вещает диктор третьей по счету радиостанции. Неужели хоть что-то, не содержащее словосочетание «Last Christmas». Радиоведущий продолжает болтать, снегопад усиливается, ветер бросает в лобовое стекло горсти белой пыли, а оставшиеся километры, вопреки ужасной видимости и обледеневшему покрытию дорожного полотна, медленно, но верно сокращаются.

– Через один километр поверните направо, – оживает навигатор.

«И теперь мы с вами поговорим о фантастическом примере самоорганизации материи из простого в сложное, – перебивает механического собеседника неугомонный ведущий. – И речь пойдет... Вы никогда не угадаете. Конечно же, о снежинках.»

Сбросив скорость, я резко выворачиваю руль, едва не пропустив поворот, в который один хрен не вписываюсь. Все происходит мгновенно и в то же время, словно застывает во времени. Автомобиль заносит, несмотря на тщетные попытки удержать управление. Но я не чувствую паники, не вижу вспышкой пролетающую жизнь перед глазами. Ни зашкаливающего пульса, ни сбивающегося ритма сердца. Абсолютное ничего. Я словно отстранённый наблюдатель, а не тот парень за рулем неуправляемого автомобиля, несущегося по дороге. Трасса напоминает гребаный каток, на котором тяжеленный внедорожник кружит, словно изящная фигуристка в танце. У него, а точнее у меня, практически нет шансов. Чудес не бывает, но в Рождество так хочется в них верить.

«Вы знали, что более трех миллиардов человек, живущих на Земле, никогда не видели снежинок? Невероятная цифра. Трудно представить всех этих несчастных», – продолжает болтать радиоведущий.

Под визг тормозов и скрип шипованных шин, скользящих на ледяной дороге, глянцево-черный монстр на скорости влетает мордой в сугроб на обочине, из которого торчит дорожный знак.

«А о том, что в Японии находится единственный в мире музей снежинок, названный именем ученого, считающий, что снежинки – это письма с небес, вы тоже наверняка не слышали?»

– Вы ушли с маршрута, – бездушно оповещает навигатор и замолкает.

«Как вам такой факт: в одном кубометре снега находится триста пятьдесят миллионов снежинок, каждая из которых уникальна?»

Часть 1

Снежные пленники

Глава 1

2012 г. Канун Рождества

Снежинка

– Новый год. Новая жизнь, – с воодушевлением повторяю успокаивающую мантру, на максимум врубая в машине новогоднюю музыку. Фрэнк Синатра отлично гармонизирует и умиротворяет нервную систему во время вождения. Особенно, когда из-за снежной и бурной метели в этой Богом забытой глуши, я рискую вновь повторить самый жуткий кошмар наяву, что неумолимо преследует меня всю жизнь.

– Вот черт, ну и погода здесь, – вновь возмущаюсь я. Прищуриль веки, отчаянно пытаюсь разглядеть дорогу перед собой. Все тщетно: моему взору открывается лишь засвеченный лес и ослепляющие снежинки, стремительно влетающие прямо в лобовое стекло, словно микро-кометы.

Если бы я знала, что дорога будет такой опасной, я бы ни за что не покинула город. Но мне настолько хотелось свалить подальше от тесной квартиры, раздувающей ощущение острого одиночества до размеров галактики, что я, не задумываясь, пошла на этот опрометчивый риск. Дорога до дома у озера стала тем еще квестом, но до заветного места осталось не более часа. Остается только надеяться, что я доберусь до него без приключений и роковых последствий, которыми грозит образовавшийся каток на дороге.

И стоит мне только подумать о «роковых последствиях» ...

Чертов панический приступ, как всегда, накрывает внезапно. Страх с ноги выбивает дверь в мою душу, берет за глотку, сковывает грудную клетку ледяными щупальцами.

Уже хорошо мне знакомый припадок неконтролируемого ужаса душит, сжимает опустевшие легкие. Гортань и горло в тисках, поперек шеи стоит снежный жар. Фантомные ощущения настолько мощные, что, кажется, я могу умереть от удушья или сердечного приступа куда быстрее, чем родители, покинувшие этот мир из-за страшной аварии.

Одиннадцать лет назад вместе с ними могла погибнуть и я, но мне повезло больше.

Ноги немеют, ладони хаотично скользят по рулю, я уже не разбираю слов рождественской песни. Перед внутренним взором калейдоскопом картин пробегает ужасающее воспоминание: сумерки сгущаются над этой же дорогой. Мы с мамой и папой веселимся, горланом новогодние песни во весь голос, и смеемся до колик в животе... пока не случается глухой удар, за которым следует скрип тормозов. Наша «семейная песня» заканчивается двумя могильными плитами и безвозвратной потерей мечты всей моей жизни.

До аварии я планировала стать олимпийской чемпионкой по фигурному катанию, а вышло так, что стала... чемпионкой по самому быстрому восстановлению в реабилитационной клинике, где целый год заново училась ходить.

Погружаясь в раскадрированные воспоминания, я все больше обливаюсь холодным потом. Внезапный телефонный звонок добавляет масла в огонь внутренних мучений: ненавижу отвечать на них, находясь за рулем. Но вдруг там что-то срочное?

Тянусь к смартфону на соседнем сидении, непрерывно глядя на дорогу. Барабанные перепонки разрывает резкий и сокрушительный сигнал, издаваемый фурией, пролетающей

мимо. Громадная махина появилась из ниоткуда! Не могу осудить водителя за отрезвляющий сигнал, сейчас не права я. Очевидно, я немного сместилась на встречную полосу в попытке ответить на чертов звонок...

Все происходит так быстро. Как и в прошлый раз, одиннадцать лет назад. Мне отлично известно – чтобы потерять все, достаточно сотых долей секунды.

Когда машину разворачивает на ледяной дороге на триста шестьдесят градусов, я уже не дышу. Не могу и кричать, из-за давления в легких. Мое сердце замирает, или выпрыгивает из груди – я не понимаю, не осознаю происходящего. Все слишком быстро, считанные мгновения разделяют меня с необратимой явью.

Крепко держусь за руль, пытаюсь вспомнить, каким образом нужно правильно вывернуть колеса. Но уже поздно. Любой осознанный человек будет думать об этом до того, как потянется за телефоном в ответственный и опасный момент. Что ж, это могли бы быть съемки отличной социальной рекламы, но, к сожалению – все взаправду. Скрип тормозов вселяет меня в ужас, кажется, что весь мир сейчас дрожит и вибрирует вместе со мной. Рушится, распадается на сотни осколков реальности.

За мгновение, мир окрашивается в черный, а потом – в ослепительно-белый свет.

Мощный удар, отдающий острой болью в спину. Мое лицо расплющивает на подушке безопасности. Уверена, что сломала нос, но если я чувствую боль – это хорошо, правда? Стреляющая агония парализует и голову за секунду до того, как я отключаюсь.

Самое страшное – меня никто не спасет. Дом находится в пятнадцати минутах от ближайшего населенного пункта. Но и там, в канун Рождества, все попрятались по своим семейным убежищам. Никому нет дела до одинокой идиотки, которая ни черта не учится на своих ошибках. Проехавшая фура была единственным транспортом, что встретился мне на пути. Поэтому, сомневаюсь, что кто-либо оперативно вызовет для меня помощь...

Не знаю, сколько проходит времени. Может быть, минута. А может, целая вечность. Удивительно, что я еще способна связно мыслить. И даже дышать. Осознание, что я жива, приходит довольно быстро.

Удивительно – мне казалось, меня нехило развернуло на дороге. А по итогу, по ощущениям нет даже малейшего сотрясения. Разлепив веки, что зажмурила от испуга, я замечаю, что по счастливому стечению обстоятельств влетела в огромный сугроб на обочине. Кажется, мне снова повезло, а боль – лишь следствие напряжения и спазма в суставах и мышцах. Вмятина на бампере – лучший исход у сальто, что я провернула на этой безлюдной дороге. Не знаю, за что меня любит Вселенная, но давно заметила, что вечно выхожу сухой из воды. Не сомневаюсь, что родители незримо присутствуют рядом со мной каждый день и выручают в подобных случаях.

– Господи, спасибо, – вымученно хныкаю я, сложив руки вместе и подняв взгляд на затянутое жемчужными облаками небо. – Клянусь, больше никаких телефонов, пока я в машине! Обещаю, – не знаю, в какой раз даю это слово, но в канун Рождества лучше говорить миру правду и только правду.

– Жизнь ничему тебя не учит, Адалин, – стремительно вырубив смартфон, швыряю его в бардачок.

Очевидно, мои клятвы и обещания мгновенно почистили карму – после страстного поцелуя с сугробом, дорога стала намного лучше. Кошмарная метель угомонила до умеренного снегопада.

Чем ближе я приближаюсь к дому, где в последний раз видела своих родителей живыми и здоровыми, тем больше проясняется небо. Наконец, резко торможу у пункта назначения, и тяжело выдохнув, плююсь на здание, где похоронены мои детские мечты, любимые люди и единственная цель в жизни, которая у меня когда-либо была.

Закрыв за собой дверь авто, непроизвольно шурюю от яркого солнца, что соизволило выглянуть именно в тот момент, когда непростая дорога до южной части Иллинойса была позади.

Странное чувство. Кажется, что я закрыла дверь этого дома еще вчера, но это «вчера» было одиннадцать лет назад. Здесь ничего не изменилось с того момента, даже солнечные лучи падают на сугробы, ограничивающие подъездную дорожку к дому, под таким же углом, превращая их в мягкие валуны, покрытые алмазной крошкой.

Нерешительно преодолевая расстояние между машиной и домом, где осталась большая часть настоящей меня, постепенно перестаю дышать.

Черт. Он абсолютно такой же, каким я его помню: двухэтажный коттедж голубого цвета с панорамными окнами на фасадной стороне и прозрачной входной дверью. Разбежавшись, я кидаюсь вперед, ощущая, как тяжелые ботинки утопают в небольших сугробах. Уверена, территорию перед ним расчистили арендаторы накануне метели. Специально к моему приезду, иначе бы половину первого этажа давно замело. Действительно – даже снегоуборочную машину в гараж не убрали.

Придерживаясь за медное ограждение входной лестницы, бросаю взгляд на припорошенную снегом террасу. Когда мне было четырнадцать, мы с мамой представляли, как снимем этот домик на летние каникулы и будем устраивать здесь ранние завтраки с пышными вафлями и кленовым сиропом. Она всегда говорила: «Летом ты уже будешь настоящей чемпионкой, и сможешь, наконец, расслабиться и позволить себе мою выпечку». В разгар спортивного сезона я питалась исключительно растительной пищей, и боялась даже смотреть в сторону маминых шедевров. Мой тренер отчитывал меня за каждый набранный грамм. Я и сама прекрасно знала, насколько тяжело даются прыжки на тренировке с утра после плотного ужина.

Эти проблемы остались в далеком прошлом, как и моя несостоявшаяся карьера великой фигуристки. Мне быстро нашли замену, несмотря на то, что мистер Хемптон не раз повторял мне, что таких, как я – больше нет.

Прежде чем войти в дом и раскидать там свои шмотки, второпях прихваченные с собой на всю следующую неделю, я набираю Джастину – именно он разрывал мой телефон навязчивыми звонками, что чуть было не стало причиной аварии.

– Адалин, ты взяла. Послушай... – слышу его взволнованный голос почти сразу, как попадаю на линию.

– Ничего не хочу слушать. Не смей мне звонить больше. Ни-ко-гда! – превращаясь в злобную фурию, рычу я и демонстративно бросаю трубку. Для надежности, кидаю бывшего в черный список. Я должна была давно это сделать...но, как и все женщины, я до последнего верю в чудо. Рождественское, черт подери. Но, скорее время повернется вспять, и я таки стану золотым призером олимпиады, чем Джастин перестанет быть лживым олухом.

Больше всего на свете я сейчас хочу просто побыть одна.

Завернуться в кокон, скрыться в незыблемой крепости одиночества.

Это мое пристанище, спасение и одновременно – проклятье.

По крайней мере, я самодостаточна и могу спокойно послать мужчину, который в очередной раз предал меня и облажался. Мне не нужен «спасатель», как многим женщинам в современном обществе. Я сама могу себя спасти.

Внутри коттеджа тоже мало что изменилось. Своим минималистичным интерьером он напоминал мне домик из скандинавской рождественской сказки. От каждого предмета здесь веет теплом и уютom: заглядевшись на красные лепестки пуансетии, что украшают зеркальный столик у входа, я буквально чувствую, как по венам начинает бурлить новогоднее настроение. Омела над ближайшим камином добавляет этому месту еще больше магии – сегодня вечером я зажгу его, завернусь в плед и сделаю себе какао. Конечно, налью его в самую большую кружку,

которую только найду в доме и подчищу запасы конфет и маршмеллоу, пересматривая все части «Гарри Поттера». Так выглядит мое идеальное Рождество наедине с собой.

Кидаю свои ботинки в сторону, замечая странную вещь – в доме разбросано куда больше хозяйских вещей, чем в прошлый раз. Они висят в коридоре и раздражают взгляд. Наверное, теперь владельцы живут здесь постоянно, и решили покинуть свое сказочное пристанище только на праздники.

Кстати, на фотографиях в интернете я видела шикарную украшенную елку, что ожидает меня в главном зале. Предвкушая апогей праздничного настроения, направляюсь в гостиную. Мое мурлыканье себе под нос прерывается истошным волчьим воем, что внезапно пронзает все органы чувств и пробирает до дрожи. Мне остается лишь замереть на месте, цепенея от ужаса.

Первородный страх рождает в затылке знакомое чувство холодного онемения, но он тут же исчезает, когда я взглядом нахожу виновника горького звериного плача.

Им оказывается огромный голубоглазый хаски, смотрящий на меня, как на единственный источник еды в этом доме. О нет. Я на это не подписывалась. Агент по аренде ничего не говорила про пса! Это шутка? Волчонок, конечно, очаровательный, но не слишком ли большая ответственность для приехавшего расслабиться гостя?!

– Давай договоримся: ты не трогаешь меня, а я тебя, – предлагая сделку, отступаю на два шага назад, с опаской глядя на оскалившегося зверя. Попутно набираю номер своего агента по аренде недвижимости – миссис Спаркл, но она решительно игнорирует меня, оставляя наедине с огромным, неуправляемым псом, издающим скулящие и воющие звуки.

Внезапно, нарушитель моего спокойствия и одиночества, резко кидается в рандомную сторону, и я инстинктивно слеую за ним. Как человек, искренне верящий в то, что животные обладают душой, интеллектом и разумом, я не сомневаюсь в том, что пес хочет что-то сказать мне. Возможно, он бежит на кухню и намеревается выклянчить у меня рождественский ужин из этих вонючих сухих шариков. Едва ли не задохнувшись, я, наконец, торможу возле гардеробной, вспоминая как именно туда папа прятал костюм Санты.

Сдвинув брови к переносице, внимательно смотрю за серо-белым комочком мха и проблем. Слышала, хаски требуют к себе особого отношения и тщательного ухода.

– Что ты там ищешь, Балто? – не задумываясь, нарекаю его волчьим именем из старого мультика. Незванный гость усердно роется в одном из пластиковых ящиков. Уже через минуту, пес выходит из гардеробной и держит в зубах предмет, который одним своим видом растворяет почву, фундамент и ламинат под моими ногами. Я будто падаю вниз, ощущая, как ребра давят на легкие.

Нет. Не может быть.

Невероятно. Они не могли пролежать здесь одиннадцать лет.

Но у меня нет никаких сомнений в том, что это мои коньки.

Я забыла их здесь одиннадцать лет назад, и думала, что они давно сгнили в земле на ближайшей свалке. Пожелтевшие белые «крылья» вызывают во мне набор противоречивых и безмерно щемящих чувств в груди.

Кто сохранил их? И зачем? Балто, возможно почуял мой запах, идентифицировал его уже со знакомым ему, и решил немедленно без слов объявить мне об этом. На языке животных, это что-то вроде рукопожатия, что означает: «Я тебя знаю».

Ладно. Это все-таки канун Рождества. Чудеса случаются...еще большим волшебством оказывается тот факт, что коньки приходятся мне почти впору. В подростковом возрасте я достигла максимума своего роста и веса, как и размера ноги. К сожалению, эта особенность отразилась и на объеме груди. Быть вечной «дюймовочкой» – плюс для фигуристки, но минус для девушки, которая уже давно далека от спортивной жизни. Мне двадцать пять лет, а алкоголь мне с неохотой продают даже после демонстрации паспорта.

– Ты издеваешься, Балто? Как же ты нашел их? Откуда ты здесь? Неужели хозяева оставили тебя без присмотра, малыш? – окончательно растерявшись, я сажусь на корточки. Балто бросает передо мной коньки и, взыв на высоких нотах, убегает, исчезая из виду.

– Эй, ты куда? – кричу псу вслед я, всерьез думая, что он мне привиделся.

Провожу пальцем по шероховатым шнуркам. Потертостям, оставшимся после изнурительных тренировок, многократных падений. По лезвию и резцу, с которых начинались сложнейшие и самые невероятные прыжки в моей жизни.

Я не должна плакать. Это неправильно. Но я рыдаю, как мой новый друг хаски, черт подери.

Вою в голос, но ни одна живая душа меня здесь не услышит. Решение действовать приходит спонтанно. Я только попробую...ничего страшного не случится.

Зажав в руках коньки, я решительно встаю с пола и выхожу из дома через задний двор, стремительно направляясь к озеру. Оно никуда не исчезло, и за одиннадцать лет, кажется, стало еще больше и загадочнее. Именно озеро делает коттедж, расположенный прямо на его берегу, особенным. Удивительно, что он сдавался за такие гроши, что даже я смогла себе его позволить!

Ледяная гладь манит к себе сильнейшим магнитом, красота замерзшей воды ослепляет. Она выглядит как портал в другой мир, Вселенную. Или как взлетная площадка для фигуриста.

И вот уже ноги сами ускоряются, заставляя меня буквально подлететь к кромке катка. Осмотревшись по сторонам, я замечаю подсветку на нескольких соснах – если я прокатаюсь здесь до самых сумерек, я смогу увидеть ее во всем своем великолепии и опоздать на первую часть волшебной саги.

Плывать.

Рождественские огни не способны заморозить меня так, как идеально гладкая поверхность льда.

Даже удивительно, насколько зашлифованным он выглядит. Создается впечатление, будто по нему только что проехали специальной разглаживающей машинкой.

Пребывая в странной и бессознательной эйфории, я обуваю коньки, и вот уже правая нога неуверенно ступает на привлекательную и манящую безупречным блеском поверхность. За ней, незамедлительно следует левая. Базовые шаги я вспоминаю автоматически, будто не было этих одиннадцати лет без тренировок и соревнований. Губы сами раздвигаются в настолько безумной улыбке, что у меня начинают болеть щеки и скулы. Я не могу поверить в реальность происходящего и просто отдаюсь порыву, погромче включая в своих наушниках трек Дункана Лоуренса – Arcade.

Я – невесома, легка, воздушна. Как падающая снежинка.

Именно эти чувства дарят первые шаги и незатейливое вращение на месте. Полностью растворив свое сердце в мелодии, я начинаю танцевать, взмывая руки к небу. Они всегда помогали мне справляться с самыми сложными приемами и никогда не подводили своей силой.

Я легкая, плавная, гибкая...красивая, невероятная. Принцесса льда, как называла меня мама. И в то же время сильная, волевая, упругая, сосредоточенная, растворившаяся в своих ощущениях.

Свободный полет, сопровождаемый теснотой груди. Абсолютное счастье, то дурманит разум и вызывает внутри бурю волнения. Лезвия коньков скользят по льду с хорошо знакомым звуком, из-за которого я вот-вот испытаю оргазм прямо здесь и сейчас. И вот...дух захватывает с утроенной силой, я вращаюсь на месте и пускаюсь вперед, намереваясь хорошенько разогнаться для простого прыжка.

Двойной аксель дается мне так легко, словно в последний раз я делала его одиннадцать минут, а не лет назад. Я сама не верю в то, что тело, вопреки словам врачей и моим собственным опасениям, движется так легко и плавно. Слезы счастья градом стекают к губам...

Очередное вращение с поднятой над головой ногой. Растяжка при мне, хоть и не такая, как прежде. У меня нет слов, лишь внутренний визг, напоминающий мне радостный вой нового знакомого Балто. Я вновь разгоняюсь, под стать кульминационным нотам любимого трека... и снова, любимая невесомость, абсолютный полет. Тот самый лутц, который я должна была продемонстрировать всему миру на олимпийских играх остается позади.

Я это сделала. Прыгнула! И не упала! Я снова могу кататься? Или любое падение может стать роковым для моего позвоночника, который буквально собрали заново?

Сомнения рождают внутри неуверенность, зажатость, как раз в тот момент, когда я вновь захожу на тройное сальто. Я даже не понимаю, что падаю. Не улавливаю это мгновение, потому что не чувствую болезненного удара. Скорее – пронзающий до нутра холод и ледяные иглы, вонзившиеся в каждую пору на коже. Еще через пару секунд, я понимаю, что вдыхаю не воздух и адски холодную воду, а все мое тело стремительно идет ко дну. Треснувший лед, под который я так феерично упала, будто сходится прямо надо мной, запирая меня в жидком морозильнике.

Мне отлично известно – чтобы потерять все, достаточно сотых долей секунды.

Паника овладевает всем моим существом, каждой клеточкой. Я слишком поздно понимаю, что я не кошка – девяти жизней в запасе у меня нет. А даже если когда-то их было две, то одну я уже «потратила». На этот раз спасения ждать неоткуда. Даже Балто не способен взять меня за шкурку и вытащить из воды. Все глубже уходя вниз, отчаянно задыхаясь, я представляю лица родителей. И в тот самый момент, когда мне кажется, что я готова пойти к ним и протянуть свои руки, я чувствую на себе хватку других – сильных, мощных, уверенных. Не иначе как лесной викинг проходил мимо и увидел рискованную и глупую девчонку, вытворяющую «па» на диком льду?

В конце концов, мое сознание отключается, но ощущение незыблемой силы, что оборачивает меня своим невероятным теплом и мощностью, никуда не исчезает. Как и мужчина, что их излучает.

А вот это уже проблема.

* * *

– Ты кто? Как попал в дом? И какого черта, ты меня лапаешь?! – срываюсь на крик, как только прихожу в себя и понимаю, что незнакомец наглým образом пытается стянуть с меня леггинсы.

Не говоря уже о свитере, что уже скомкан на полу бесформенной тряпкой. Сомнений быть не может: я попала в лапы насильника.

А какому еще безумцу придет в голову спасти девушку, упавшую под лед? Это чистой воды самоубийство. Только двинутому извращенцу, для которого свежая «добыча» куда важнее собственной жизни.

Взгляд, наконец, начинает вновь фокусироваться на окружающих предметах. И на мужчине, что нарушил мой покой, одиночество и издает странные рычащие звуки непонятного происхождения. Пока я вижу лишь его загар и макушку, по которой могу судить о том, что у него темно-русые и короткие волосы.

– Угомонись, сумасшедшая, – словно сквозь слой ваты, доносится до меня грубоватый и глубокий голос. – Еще раз лягнешь, я верну тебя обратно в ту дыру, откуда вытащил, – хладнокровно чеканит маньяк.

К слову, у него чертовски приятный баритон – и это, кстати, очень даже отличительная черта всех психов и извращенцев.

Ладно. Вдох выдох. Я обязана прийти в себя и понять, что происходит.

– Тогда перестань раздевать меня! – хнычу я, прекрасно понимая, что мужчина уже успел заценить мои красные рождественские стринги. Впервые со мной такое – обычно, я придер-

живаюсь банального правила «пяти свиданий». Выходит, даже мои немногочисленные любовники так быстро не раздевали меня.

– Пустоголовая дура, – с еще большим остервенением свирепствует взбалмошный викинг.

За оскорбление он мне заплатит. К слову, я до сих пор не вижу его, без устали лягая маньяка ногами, толкаясь ими в твердую грудь.

– Ты хочешь получить воспаление легких? Прекрасно. Вперед! Я тебя больше не трогаю. Ты мне на хрен не сдалась. И проваливай из моего дома, – а теперь в его голосе слышится явное раздражение, откровенная ненависть и нескрываемая угроза.

Я резко перестаю дрыгать ногами, и слегка раздвинув их, пытаюсь разглядеть человека, который возомнил себя хозяином этого дома. Между прочим, на ближайшую неделю я являюсь владелицей этого коттеджа.

Наши взгляды встречаются. О нет. Хуже уже быть не может. Извращенец оказывается обладателем самых манящих, глубоких и пронзительных глаз. Создается впечатление, что они имеют иссиня-черный цвет. В купе с густыми бровями и мужественными чертами лица – это как долбаный выстрел в упор.

Непроизвольно мой взгляд скользит ниже. Длинных волос и бороды у него нет, но телом – он точно викинг. Даже закрадываются сомнения: возможно, он не самоубийца, не псих и не маньяк. Обладая такими мышцами, он явно знал на что шел и без труда вынес меня из холодного озера.

– Отличная поза, детка. Но меня не интересует твое предложение, – стебется ублюдок. Покрываюсь мурашками от стыда и негодования. Ощущая, как кровь мгновенно приливает к щекам, я осознаю, насколько развратную позу перед ним заняла, оставшись в одном нижнем белье. Быстро сдвигаю колени. – Ты мне не по размеру.

Еще бы, размерчик точно не для его. Я настолько маленькая рядом с этим викингом, что не сомневаюсь – насильник раздавил бы меня куда раньше, чем успел бы осуществить задуманное.

Мне трудно даже представить, сколько весит эта рельефная груда мышц. И почему я так акцентирую на них внимание? Все просто: мужчина без футболки и, кажется, даже не думает ее надевать. Кожа его покрыта свежими царапинами, в углублениях ключиц скопились капли воды ...

– Боже, – только и могу произнести я, нащупывая на диване шерстяной плед. Быстро укрываюсь им, и отдаляюсь от викинга настолько далеко, насколько могу, забиваясь в безопасный уголок софы. – Ты, правда, прыгнул за мной в воду? Но... почему? И что ты здесь делаешь? Не верю, что просто проходил мимо этой глуши. Ты пришел за собакой?

– Собака живет здесь, как и я, – вставая, бросает викинг. Бросает через плечо снисходительный взгляд.

– Мать твою. Я говорил ей, что дом не сдается на праздники, – выругавшись, он скрещивает руки на широкой груди. – Я предлагаю тебе выметаться отсюда, как только согреешься, – хамит викинг, пока я наблюдаю за тем, как он разводит огонь в камине. Через пару минут молчания, меня обдаёт волнами жара. Не уверена, виновато ли в этом пламя или созерцание его мощной спины.

Он красавчик. Мне и в этом везет – даже извращенцы попадают чертовски горячими. Настолько, что может не так уж и плохо, что я надела свои кружевные стринги сегодня?

Боже, о чем я думаю? Какие стринги? Я чуть было не умерла!!! И нет никаких гарантий, что доживу до утра рядом с этим странным типом.

– Уйти? И куда же мне идти? На улице метель, – бросаю растерянный взгляд в окно, за которым вновь поднялась вьюга, к которой теперь еще и добавились сумерки. – И я заплатила

недельную аренду, – встаю в позу я, и соскакиваю с дивана. Хочу упереть руки в бока, но вовремя хватаюсь за спадающий плед.

– А меня это не волнует, детка. Катись куда хочешь, до ближайшей деревни всего двадцать минут. Как-нибудь доберешься. Хотя, судя по твоему псевдо-балету на льду, жизнь не так уж тебе дорога. Снимешь отель. Этот дом не сдается и принадлежит мне. Мне не нужна компания на Рождество, ясно?

Не знаю, как можно уместить столько оскорблений всего в паре фраз, но незнакомцу блестяще это удалось.

Он видел, как я каталась? Видел меня с самого начала и даже не сказал, что он здесь? Наблюдал за мной исподтишка?

Это какая-то ошибка. Очевидно, дом просто сдали сразу двум людям. . . он не может здесь жить, ведь агент уверяла меня в том, что я снимаю целый дом, а не комнату.

– Давай выдохнем и во всем разберемся, – наконец, я начинаю здраво мыслить и понимаю, что я не в том положении, чтобы продолжать конфликт. – Позвоним миссис Спаркл прямо сейчас, идет?

– Спаркл? Именно она занимается моим домом, когда изредка сдаю его. Но не сейчас.

– Я не понимаю, почему должна уходить, когда отдала ей свои кровные. У меня трудности с деньгами и уже очень темно, – пытаюсь выдавить из себя нечто примирительное, но разъяренный викинг упорно набирает этой наглой женщине.

– И переоденься немедленно! – отдает неоспоримый приказ, швыряя в меня халат. Ловлю черный махровый кусок ткани, на котором серебристыми нитями значится «Лэндон».

– Не собираюсь переодеваться при тебе. Выйди из комнаты.

– Выйди сама, не беси меня, – рычит в ответ этот наглый, бесцеремонный, невоспитанный хам.

– Я не отойду от камина, я жутко замерзла!

– Переодевайся немедленно. Чего я там не видел? – Лэндон резко отворачивается.

Я тоже поворачиваюсь к наглецу спиной и с облегчением избавляюсь от влажного и холодного бюстгальтера.

– И свалилась же ты на мою голову, – сокрушается Викинг, пока я переодеваюсь в мужской халат. – Интересное тату, Снежинка, – с насмешливой издевкой комментирует засранец.

Кто бы сомневался, что этот неандерталец не будет подглядывать. Вспыхнув до корней волос, я запахиваю на груди полы халата и возмущенно оглядываюсь, награждая грубияна презрительным взглядом.

В следующую секунду весь свет в доме резко гаснет, а смартфон, что он давно перевела на громкую связь, издает автоматическое сообщение: «*Набранный вами номер временно недоступен*». Бросая взгляд на экран своего телефона, я с ужасом понимаю, что пропал не только свет, но и мобильная сеть, вместе с интернетом.

«*Идеальное Рождество*» – ничего не скажешь. Я заперта в полной темноте, с грубым и злым мужчиной, которого знать не знаю. Он настолько мне неприятен, что даже благодарить его за чертово спасение не собираюсь.

Мне не нужен спасатель. Я сама могу себя спасти. . . и именно этой фразой я собираюсь наградить викинга, но он чертовски пугает меня, когда с яростным рыком бросает свой дорожный смартфон в стену.

Викинг

От удара мобильник разваливается на две части. Идиот! Вряд ли сломанный гаджет хоть как-то поможет в этой дерьмовой ситуации. Во внезапно воцарившейся тишине, я слышу свое

грохочущее дыхание и испуганный писк рождественского «подарка», свалившегося под мою елку, а точнее провалившегося под лед.

Если бы в кругу моих знакомых водились шутники, я принял бы происходящее за розыгрыш, но это исключено. С Рождеством у меня связано как минимум два отстойных жизненных эпизода, и это не безызвестные факты моей биографии. А в свете последних событий только отчаянный камикадзе решился бы «развлечь» меня, подсунув в мой дом «снегурочку».

Не знаю, кого благодарить за этот сомнительный сюрприз на тощих ножках с татуировкой снежинки на поясице. Точнее, догадываюсь, но доберусь или дозвонюсь до виновницы не раньше завтрашнего утра. Судя по завываниям пурги за окном, нет ни малейшего шанса выбраться из этой глуши до рассвета. Еще и электрические провода оборвало. Для полного счастья! Каждый снегопад – одно и то же.

– Долбанный пи*дец творится, – хрипло выдыхаю я, взлохматив волосы и наклоняясь за обломками телефона. Смартфон точно отслужил свое. И года не прослужил. – Я урою Лиззи. Лично откручу ее алчную сучью голову.

– Кто эта Лиззи? – тихий перепуганный голосочек, вынуждает меня взглянуть в очертания свалившейся мне на голову пигалицы.

Гребаные черти, темно, как в аду. Единственный источник света – огонь в камине, но его света недостаточно, чтобы разогнать сгустившиеся тени. Она с опаской ступает ближе к очагу, протягивая бледные маленькие ладони.

– Ты не знаешь, как зовут твоего риелтора? – немного остыв, обращаюсь к утонувшей в моем халате девчонке. Она жметя поближе к теплу и продолжает дрожать. Не факт, что только от холода.

– Миссис Спаркл, – не с первого раза выговаривает Снежинка.

Назвал бы Снежной королевой, но для этого прозвища крошка не доросла. Сколько в ней, полтора метра?

– Лиззи Спаркл, – дополняю я ее неточные данные. – Она присматривает за домом в мое отсутствие и сдает его... тоже в мое отсутствие.

– Произошла какая-то ошибка...

– Очень проницательное замечание, Снежинка, – ухмыляюсь я. – Ты просто бьешь рекорды по решению логических задач.

– Ты всегда такой мудака? Или это рождественское помутнение?

– А ты всегда такая смелая или мозги забыла на дне озера?

– Ты... ты!!!

– Ну, давай, вывали на меня всю свою бабскую дурь.

– Пошел ты!

– Охереть, ты оригинальна. Закатала в асфальт. Я поражён, – издеваюсь, скрестив руки на груди. – Убит наповал. Срочно вызывай реанимацию.

– С тобой невозможно разговаривать, – Девчонка возмущенно фыркает, задирая нос.

– И я о том же. Тебе пора заткнуться.

Она ничего не отвечает, но пронзающий негодованием взгляд ощущается на физическом уровне. Ага, страшно. Убей меня презрением. Напугала ежа голой жопой.

Молчание затягивается, напряжение нарастает, искрится, между нами, электрическими разрядами. Отблески от потрескивающего пламени высвечивают упрямо поджатые полные губы.

Надо признать, что рот у малышки, что надо. Большой, чувственный, и если бы не выдавал слишком много слов в минуту – смело претендовал бы на твердую десятку по шкале сексуальности. Глаза тоже крупные, выразительные. Цвет рассмотреть не успел, но не больно-то и хотелось. Вздорные пигалицы с суицидальными наклонностями – не мой формат женщин.

Полоумная, если бы не заметил случайно ее вещи, раскиданные в доме, и не прошел по чужим следам к озеру, лежала бы она сейчас заледеневшей сосулькой на дне.

– Я не видела твою машину, когда подъехала, – с подозрением произносит Снежинка, нарушая тяжелую тишину. Она все еще сомневается, что это ее присутствие – ошибка. А я у себя дома.

– Потому что моей машины здесь нет. Я оставил автомобиль в деревне.

– До деревни не меньше часа пешком.

– А сноубайк на что? – дернув плечом, ухмыляюсь я.

Ближайшую часть трассы в это время постоянно заносит и есть риск застрять в доме надолго. Поэтому снегоход с мощным мотором и гусеничной платформой – единственный надёжный транспорт, на котором можно выбраться отсюда даже после снежной бури. И нет, я не собираюсь давать скидку, на то, что крошка не могла этого знать, отправившись за город в самое снежное время года на своей почти игрушечной машинке.

– Сноубайк я тоже не заметила, – качает головой недоверчивая гостья. Подняв руки, она скручивает в пучок подсохшую копну волос.

– Потому что он в гараже, – отвечаю, тяжело вздохнув, раз пятисотый за последние полчаса.

Развернувшись, прохожу к огромному старому деревянному шкафу с резными створками. Практически подпирающий потолок, немного покосившийся набок, но гордо несущий на свои плечах плотный налет вековой пыли. Ему столько же лет, сколько самому дому. Можно смело назвать уродливого гиганта антикварным семейным наследием. Он уже стоял здесь, когда я только учился ходить, а мой отец рассказывал, что прятался в шкафу от старшего брата, когда был ребёнком.

– Но ты же слышал, как я подъехала? Почему не вышел? Затаился и наблюдал? – засыпает меня вопросами говорливая малышка. Она, случаем, не блондинка? Как-то упустил из внимания этот момент, пока занимался ее спасением.

– Ты меня раскусила, детка. Я – серийный маньяк. Сдаю дом тощим малявкам, не способным оказать физическое сопротивление, прячусь в кустах, дожидаясь, когда они пойдут топиться, а потом жестоко нападаю, вытаскивая, безвольных и обмороженных, из проруби, – выдаю циничный монолог.

– Ни один маньяк не признается в том, что он маньяк. Так что напугать меня у тебя не вышло.

– Я еще не начинал пытаться, – усмехаюсь в ответ. – Не стоит меня провоцировать.

Потрескавшиеся лакированные дверцы скрипят, когда я проворачиваю искривленный ржавый ключик, застрявший в личине. В нос ударяет запах отсыревшего табака и истлевших от времени медицинских книг и журналов. В груди привычно щемит, дышать становится тяжело. Нет страшнее призраков, чем те, что родом из детства. Я много лет сюда не заглядывал. Со дня похорон отца. Это его документальная коллекция, которую он спрятал, когда решил бросить карьеру хирурга и спрятаться в глуши.

– И все-таки не хочу знать, почему ты не вышел, когда я въехала на территорию, – настаивает неугомонная.

– Решила устроить дорос с пристрастием? – отстранённо уточняю я.

Приступ гнева заметно поутих, в отличие от разгулявшейся пурги, зловеще и с упоением завывающей в дымоходе и грохочущей во дворе незапертой дверью сарая.

– Я хочу понять...

– Это мой дом! – обрываю Снежинку на полуслове. – Моя гостиная, моя елка, мой пес, мой халат, и мое гребаное одинокое Рождество.

– Поверь, мне тоже твоя компания малопривытна, – притихшим голосом отзывается малышка.

– Я вообще-то спас тебе жизнь. Могла бы из благодарности отвесить пару грамм женской мудрости, – резонно замечаю я.

На ощупь отыскав на средней полке увесистый фонарик, проверяю его исправность. Тускловат, но лучше, чем ничего. До утра заряда должно хватить. Сунув находку в задний карман джинсов, достаю толстые восковые свечи, все, что имеются в наличии. Выставив на круглый стол в центре гостиной, снова запираю шкаф-долгожитель, хранящий в себе много тяжелых воспоминаний, неисполненных надежд, и похороненных амбиций. Не моих... Свое кладбище ошибок и несбывшихся желаний я ношу при себе.

– Ты столько раз оскорбил меня, что моя мудрость не готова отвечать в ответ на беспричинное хамство.

Снежинка никак не желает успокоиться, продолжая назойливо жужжать мне в затылок. Может быть, это такое наказание или очередное подтверждение, что тишина и женщины – понятия несовместимые?

– И снова ошибаешься. Ты вторглась на мою частную территорию, – сдержанно отвечаю я, отпустив градус бешенства до минимальной отметки. – Для хамства причин более чем достаточно.

– Повторяю для глухих: я заплатила за аренду! – взрывается пигалица, чуть ли не выпрыгивая из халата.

Похоже, моя вернувшаяся сдержанность вызывает обратный эффект. Интересно, а она превратится в ведьму, если я перейду к вежливой манере общения?

– Докажи. Документы, чеки. Может быть, договор? Есть что-нибудь, кроме голословных заявлений? – поочередно зажигая свечи, вкрадчиво любопытствую я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.